
ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 811.512

DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-42-49

Заемствования из русского языка в тувинской речи как способ эвфемизации

Н. М. Монгуш

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия*

Аннотация

Рассматриваются русские заимствования в тувинской речи, которые, заменяя табу, используются в качестве эвфемизмов. Эта группа лексем распределяется на пять групп: эвфемизмы, называющие различные болезни и связанные с ними явления; эвфемизмы, связанные с физиологической, анатомической и половой сферой; эвфемизмы, связанные с понятием смерти; эвфемизмы, связанные с обозначениями нежелательных социальных явлений; эвфемизмы, отражающие трансформации в этико-эстетических представлениях и восприятии человека в современном обществе. В семантическом плане описываются случаи вторичной (или повторной) эвфемизации; процессы сужения или специализации исконного значения лексемы в языке-доноре или расширение ее значения при эвфемизации. Анализ проводился на основе записей речи на тувинском языке в сети Интернет, социальных сетях, мессенджерах, а также наблюдений за повседневной речью современных носителей тувинского языка.

Ключевые слова

тувинский язык, русский язык, заимствованные слова, эвфемизация, эвфемизмы-заимствования

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-10294 «Заемствования из русского языка в зеркале развития тувинского» (2023–2024 гг., руководитель – Б. Ч. Ооржак).

Для цитирования

Монгуш Н. М. Заемствования из русского языка в тувинский как способ эвфемизации // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 42–49. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-42-49

Borrowings from Russian to Tuvan as a way of euphemization

N. M. Mongush

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russian Federation*

Abstract

The paper considers Russian loanwords in Tuvan speech, the ones that are used as euphemisms. The analysis was conducted by utilizing recordings of speech in the Tuvan language collected from the Internet, social networks, and instant messengers, as well as through observations of the daily speech of contemporary

© Н. М. Монгуш, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

speakers of the Tuvan language. The borrowings identified as euphemisms can be divided into five groups: (1) denoting various diseases and related phenomena, (2) related to the physiological, anatomical, and sexual spheres, (3) associated with the concept of death, (4) associated with the designation of undesirable social phenomena, and (5) associated with the ethical and aesthetic perception of a person. The first group comprises borrowed names of diseases and related concepts. Native speakers tend to regard medical terms as uncomfortable and rude. The second group encompasses words perceived as unpleasant, disgusting, and shameful, such as words and phrases related to human physiology and the sexual sphere. The absence of these lexemes in Tuvan language dictionaries serves as evidence of their exclusive usage in colloquial discourse. The third group represents the means of euphemistic portrayal of death, which is a common characteristic found in all cultures. The fourth group includes euphemisms linked to societal challenges and undesirable social phenomena. The fifth comprises euphemisms that reflect the evolving perceptions of individuals in contemporary Tuvan society, with transformations caused by the modern level and life expectancy, changing social roles, and changing aesthetic ideas.

Keywords

Tuvan language, Russian language, borrowed words, euphemization, euphemisms-borrowings

Acknowledgements

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-10294 “Borrowings from the Russian language in the mirror of Tuvan development” (2023–2024, under the leadership of B. Ch. Oorzhak).

For citation

Mongush N. M. Borrowings from Russian to Tuvan as a way of euphemization *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 42–49. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-42-49

Введение

Заемствование из других языков является одним из главных средств обогащения и пополнения словарного состава любого языка. Оно обусловлено культурно-историческими контактами народов. Влияние русского языка на тувинский язык стало наиболее активным с начала XX в. [Сат 1973: 101; Монгуш, Татаринцев 1985: 10]. Наиболее активно заимствования происходят на уровне лексики.

Б. И. Татаринцев выделял три этапа проникновения в тувинский язык заимствованных слов из русского языка: 1) с конца XIX в. до начала 30-х гг. XX в. – период индивидуального билингвизма и устного заимствования; 2) с начала 30-х до середины 40-х гг. XX в. – период группового (культурного) билингвизма и преобладающего письменного пути заимствования; 3) со второй половины 40-х гг. до наших дней – период массового билингвизма и сосуществования устного и письменного путей заимствования (современный период) [Татаринцев 1974: 14].

Сегодня тувинское общество, как и весь мир, вовлечено в стремительные изменения на глобальном уровне. Явления глобализации отражаются в социально-экономической, культурной жизни и языке. Так, в словарный фонд тувинского языка в огромном количестве проникает заимствованная лексика из русского и посредством русского из других языков.

Обычно причинами заимствований оказываются необходимость обозначения новых реалий, связанных с бытовыми, социально-экономическими, политическими и культурными изменениями. Иногда причины заимствований определить проблематично. Так, в современном тувинском языке имеются случаи параллельного употребления исконного тувинского слова и заимствованного или замены исконного тувинского словосочетания одной заимствованной лексемой. И дело не только в стремлении к экономии языковых средств. Данный вопрос остается пока открытым и требует подробных исследований.

Целью нашей статьи является анализ заимствованных из русского языка лексем, которые выполняют роль эвфемизмов. Такого рода явления имеют место и в других языках и становятся объектом исследования в немногочисленных работах. К ним относится статья И. Н. Никитиной, в которой рассматривается эвфемистическая функция заимствований на материале английских эвфемизмов [Никитина 2013].

Русские заимствования как эвфемизмы

Эвфемизмы – это «...смягченные слова и выражения. К эвфемизмам говорящий прибегает всякий раз, когда предполагает, что тема разговора может обидеть, принести боль или смущение собеседнику» [Сеничкина 2008: 5]. Отмечается, что появление в языке заимствованных эвфемизмов обусловлено психологическими причинами, культурно-этическими изменениями норм в обществе. В новых реалиях и нормах «иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными» [Видлак 1967: 275].

Вопросы эвфемизации табуированных понятий в тувинском языке изучались Ш. Ч. Сатом. В статье «Табу и эвфемизмы в тувинском языке» он рассматривает группы эвфемизмов с семантикой «Смерть» и «Рожать», названия болезней, хищных зверей и эвфемизмы, используемые при обращении к старшим [Сат 2006: 65]. Об эвфемизмах, заменяющих понятие смерти в стихах конкретного автора, писала К. Б. Доржу в статье «Эвфемизмы в поэзии Антона Уержаа» [Доржу 2017: 149]. Анализу эвфемизмов в охотничьем и рыболовном промыслах посвящены статьи Н. Д. Сувандии и Е. М. Куулар [Сувандии 2016: 138; Куулар 2018: 49].

Для разграничения заимствований-эвфемизмов и других заимствованных слов в тувинском языке мы, вслед за Е. П. Сеничкиной [Сеничкина 2012: 23–24], предлагаем три основных условия, при которых можно считать заимствованные в русский язык термины эвфемизмами 1) это слово должно быть иноязычным; 2) тувинский язык должен располагать синонимичным незаимствованным термином с прозрачной внутренней формой; 3) внутренняя форма тувинского наименования должна обладать отрицательной коннотацией.

В настоящей статье предпринимается первая попытка систематизации и анализа значений эвфемизмов-заимствований из русского языка, объяснения причин их появления в тувинской речи. Источниками материала послужили примеры из записей речи на тувинском языке из социальных сетей в интернете, мессенджеров, а также наблюдений за повседневной речью современных носителей тувинского языка.

Русскую заимствованную лексику, которая выполняет роль эвфемизмов в тувинском языке, мы распределили по следующим группам:

- 1) эвфемизмы, называющие болезни;
- 2) эвфемизмы, связанные с физиологической, анатомической и половой сферой;
- 3) эвфемизмы, связанные с понятием смерти;
- 4) эвфемизмы, обозначающие нежелательные социальные явления;
- 5) эвфемизмы, связанные с этико-эстетическими восприятиями человека;

Первые две группы слов-эвфемизмов, заимствованных из русского языка, составляют слова, перешедшие в большинстве своем в медицинскую терминологию. Исследователи отмечают, что данные группы слов больше всего подвергаются эвфемизации [Мадайени Авал, Сейед-Агаи Резаи 2017: 108].

1. Первую группу составляют заимствованные из русского языка эвфемизмы – названия болезней и эвфемизация связанных с ними понятий. В речи используются медицинские термины, заменяющие тувинские понятия, которые воспринимаются носителями языка как неудобные и грубые. Например, используется термин *онкология* вместо обозначения болезни *рак* с использованием метода генерализации; прилагательное *педикулезтуг* (*педикулез-туг*, где *-туг* является аффиксом обладания) вместо *быттыг* ‘вшивый’, прилагательное *бесплодный* в форме мужского рода употребляется применительно к женщине вместо *төлдөнмес* ‘не способная иметь детей’; глагол *выкидышта* (*выкидыш=та*, где *=та* является глаголообразующим аффиксом¹) вместо *уруг дүжүрер* (букв.: ребенка опустить).

2. Носители того или иного языка часто прибегают к заимствованиям, непосредственно называющим неприятное, отвратительное, постыдное явление, действие или их результаты, принятые как таковые в их традиционном обществе, но по каким-то причинам не являющиеся табу в языке-доноре. Эти заимствованные слова и словосочетания эвфемизируются, воспринимаются как стилистически нейтральные по отношению к той лексике, которая подвергается табуизации. Так, к заимствованным эвфемизмам можно отнести лексемы *кал* и *стул* (вместо

¹ Здесь и далее в тексте встречается аффикс =ла / =ле, =на / =не, =та / =те, самый продуктивный при образовании глаголов от имен существительных.

мяк), моча (вместо сидик) и др., которые употребляются в медицинской сфере. Причем эвфемизмы *кал* и *моча* обязательно употребляются в сочетании с лексемой *анализ* (*кал анализи* ‘анализ кала’, *моча анализи* ‘анализ мочи’) – так происходит их терминологизация. И хотя в тувинском языке имеются тувинские эвфемизмы *кадыг албан* (букв.: твердая нужда), *суук албан* (букв.: жидкая нужда) и общая для обоих понятий лексема *албан* ‘нужда’, в сочетании с лексемой *анализ* они не употребляются.

Экскременты домашних животных не воспринимаются как нечто неприятное, называются лексемой *өдек*. По отношению к экскрементам крупного рогатого скота (*инек* ‘корова’) употребляют и сочетание *инек мыяа*, при этом оно воспринимается носителями языка как норма.

Прямое наименование половых органов человека в тувинском языке, как и в других языках, табуировано и считается неприличным, постыдным. Они обозначаются иносказательно словами *хөнегеш*, *кокунак* – уменьшительно-ласкательными названиями половых органов мужчины. В словарях тувинского языка такого рода лексем не фиксируются, чем доказывает использование их только в разговорной речи. Но и эти эвфемизмы сейчас табуируются и заменяются заимствованными из русского языка эвфемизмами *половой орган*, *пениска*. Таким образом, происходит двойная эвфемизация.

В речи употребляется и глагол, образованный от заимствованного эвфемизма-существительного, например, его используют родители в разговоре с детьми: *Писа-писа дээр бе?* ‘Хочешь пописать?’ (букв.: хочешь писа-писа делать?).

3. Эвфемизация смерти и связанных с ними действий является типичной для всех культур. Уже имеющийся в тувинском языке эвфемизм *кижи ажаары* (букв.: человека уход) в значении ‘похоронить умершего человека’ в современной речи очень часто заменяется существительным *похорон* (от рус. *похороны*). От него образуется глагол *похоронна* (= *похорон*=*на*=), который обозначает «хоронить кого-то; ходить на похороны». Например: *Дуун похороннааш келдим* ‘Вчера сходил на похороны’ [И 1]; *Ол хайлыг хун соонда, похорон соонда, дөргүл-төрөл бар чүвени шуптузун аразында үлөжип аппаратан чүве* ‘После того проклятого дня, после похорон родственники поделили между собой все оставшееся имущество [ВК].

Лексема *суицид* заменяет тувинские эвфемизмы *бодунга четтинер* (букв.: достать самого себя), *тынынга четтинер* (букв.: достать свою жизнь, дыхание), например: *Ол кижии суицид кылыпкан-дыр* ‘Тот человек совершил суицид’ [И 4]; *Суицид кылыпкан улус кайы оранга баар ирги? Таныырым эр суицид кылыпкан, муңгаранчыг, чоктаксанчыг-даа бооп тур* ‘Люди, которые совершили суицид, в какой мир уходят? Мой знакомый совершил суицид, грустно, не хватает его’ [ВК].

Мы считаем, что рассмотренные случаи употребления лексем *похорон* и *суицид* в тувинской речи можно рассматривать как вторичную (повторную) эвфемизацию, когда существующий эвфемизм заменяется новым заимствованным эвфемизмом. Ниже можно наблюдать случаи сужения или специализации значения лексем в результате ее использования в функции эвфемизма.

Русское понятие *несчастный случай* при заимствовании для обозначения несчастного случая, повлекшего смерть человека, сужается. И вместе с эвфемизацией происходит специализация понятия, например: *Тудугга ол кижии-биле несчастный случай болган-дыр* ‘С этим человеком на стройке произошел несчастный случай (в результате которого он умер)’ [И 3].

Понятие *хай-халап*, обозначающее несчастный случай, в тувинской речи часто заменяется аббревиатурой *ЧП* (чрезвычайное происшествие). Тут также имеет место сужение значения понятия *ЧП*, например: *Орукка ЧП болган* ‘На дороге произошло ЧП’ [И 2]; *Ол ЧП-ге таварышкан уруг үш ажы-төлдүг деп турду* ‘Говорят, что у девушки, которая попала в ЧП, трое детей’ [ВК].

В сегодняшней речи также стали часто употребляться новые эвфемизмы *груз-200*, *груз-300* или даже просто *200* и *300*, например: *Алдан-Маадыр чурттуг эжим эр груз-200 кылдыр чанып келди* ‘Мой друг, родом из села Алдан-Маадыр, вернулся домой грузом-200’ [И 1]; *Ол чатышкын соонда 300-тер биле 200-тер хэй болган* ‘После того взрыва 300 и 200 было много’ [ВК].

4. В группу эвфемизмов, связанных с нежелательными социальными явлениями, входят лексем *зон(а)* вместо *кара-бажың* ‘тюрьма’ (букв.: черный дом), глагол *кризистел* = ‘попадать в кризис’ (*кризис*=*те*=*л*=, где *л* является показателем медиального залога, который отчасти

выражает пассивное значение, при этом под кризисом понимают именно финансовый кризис, денежные затруднения); *провалдан*- ‘попадать в провальную ситуацию в результате того, что он не смог что-либо сделать’ (*провал*=*да*=*н*=, где *н* является формой возвратного залога), например: *Ол кижги зонда* ‘Этот человек в зоне’ [И 1]; *Шагонар зону биле канчаар харылзаиша эки чувел? Начальниктиң номерин болур бе?* ‘Как можно связаться с зоной Шагонара? Можно номер начальника?’ [ВК]; *Калымнап чоруп тур мен* ‘Я калымлю’ [И 3]; *Сожителим ажыл чок, «бичии калым кылып тур мен» дээр, эркээр акшазы-даа чок боор* ‘Мой сожитель безработный, говорит, что делает калым, но денег не приносит’ [ВК]; *Акша берип шыдавас мен. Бодум кризистелип тур мен* ‘Не могу дать денег. Я сам переживаю кризис’ [И 1]; *Отпускудан чаа үнүп келген болгаш, элээн үр үе дургузунда кризистелип, ажылче безин чадаг ажылдап эгеледим* ‘От того, что только вышел из отпуска, в течение долгого времени переживаю кризис, даже на работу иду пешком’ [ВК]; *Экзаменде провалданып кагдым* ‘Я провалил экзамен’ [ВК]; *Бо чылын та чеже ажы-төл провал кылыр – ОГЭ, ЕГЭ?* ‘В этом году сколько детей провалят экзамены (букв.: будут делать провал) – ОГЭ, ЕГЭ?’ [ВК].

В этой же группе мы рассматриваем заимствования-эвфемизмы, выражающие отношения человека к имуществу и деньгам, например, *малоимуций* вместо эвфемизма *чединмес* ‘испытывающий недостаток’: *Малоимуций өг-бүлелерге хамааржыр силер бе?* ‘Вы относитесь к малоимущим семьям?’ [ВК].

5. Современное тувинское общество претерпело определенные трансформации в традиционном этико-эстетическом восприятии человека. Они связаны с современным уровнем жизни и ее продолжительностью, сменой социальных ролей, изменениями в эстетических представлениях. Например, русские лексемы *бабушка*, *баба* и *дедушка*, *деда* употребляются вместо *кырган-ава* ‘бабушка’ и *кырган-ача* ‘дедушка’ по отношению к относительно молодым людям. Такое употребление можно объяснить тем, что современные бабушки и дедушки, как правило, выглядят моложе прежних, не чувствуют себя старыми, чтобы применительно к ним можно было сказать *кырган-ава* (букв.: старая-мать) и *кырган-ача* (букв.: старый-отец). Последние лексемы употребляются в таком случае применительно к живым еще прабабушкам и прадедушкам. Таким образом, тувинская лексема *кырган* ‘старик, старый’ тоже табуизируется. Рассмотрим примеры: *Оо, бабушка, дедушка болган ышкажыл силер!* ‘Оо, вы же стали бабушкой и дедушкой!’ [ВК]; *Уже ынчаар өөрени берген бис, бабушка, дедушка улус-тур бис* ‘Мы уже так привыкли, мы же бабушка, дедушка’ [ВК].

По отношению к пожилому человеку в современной тувинской речи употребляется еще одна заимствованная лексема *пенсионер*, ставшая эвфемизмом лексемы *кырган* ‘старый’. Собственное значение лексемы *пенсионер* передает юридический и социальный статус человека, имеющего право получать пенсию: ПЕНСИОНЕР, а, м. Человек, к-рый получает пенсию [Ожегов, <https://znachenie-slova.ru/>]. Например: *Пенсионер кижги ынаар баргаш чоор сен, аңаа колдуунда аныяктар турар* ‘Тебе, пенсионеру, не стоит туда идти, там в основном будет молодежь’ [ВК]; *Үнүп кээримге, алдан харны шагда ашкан ийи пенсионер соңгамны бичии даштар биле дажавышаан, курзук диштери-биле чадай-чадай хөлчок сыгырышкан тур* ‘Когда я вышла, стояли два пенсионера далеко за шестьдесят и бросали камушки в мое окно, пытаюсь свистеть беззубыми ртами’ [Монгуш 2007: 40].

Стандарты красоты у современной молодежи также меняются. Если в традиционном портрете цвет кожи человека *хүрең* или *хүрең-кызыл* ‘смуглый’ (букв.: ‘коричневый’ и ‘коричнево-красный’) считался красивым, то теперь смуглый человек больше не считается красивым, особенно в среде городской молодежи. В повседневной речи о смуглом человеке говорят *кара кижги* (букв.: черный человек), например: *Ол кижигерни көргөн мен, ызыр кара эр-ле чорду* ‘Я видел этого вашего человека, здоровый черный мужчина’ [И 3].

Обозначения цвета *хүрең* или *хүрең-кызыл* ‘смуглый’ сохраняются в литературе и фольклоре. Поэтому вместо того, чтобы сказать, например, *Ол хүрең (кара) кештиг* ‘У него смуглая кожа’, сейчас говорят: *Смуглый кижги* ‘Смуглый человек’; *Кежим смуглый мен. Чаагым достак черинде 2 талазында мелдерлерлиг, канчап чидирип болур. Косметологка аштадыр болза кандыг ирги?* ‘У меня смуглая кожа. На скулах с двух сторон веснушки, как их удалить. Можно очистить у косметолога?’ [ВК].

В современной речи в роли эвфемизмов употребляются русские лексемы, характеризующие телосложение человека: *полный* вместо *семис* ‘полный, упитанный’, *миниатюрный* или *мини*

вместо *арган* ‘худой’. При этом прилагательные используются исключительно в форме мужского рода, например: *Мен полный улустуң проблемазын билбес турган мен, семириринге бодаарга арыптары белен деп бодап чораан мен* ‘Я не понимала проблему полных людей, думала, что похудеть легче, чем потолстеть’ [ВК].

Обозначение грязи, нежелательных запахов передается заимствованными лексемами *антисанитария* вместо *хир-чут* ‘сильная грязь, неопрятность’, *аромат* вместо *багай чыт* ‘плохой запах’ (при этом в русском языке лексема *аромат* обозначает приятный запах). Например: *Ол өрээлде берге аромат бар чорду* ‘В той комнате есть трудный аромат’ [И 2]; *Чуттуг улустуң чанындан эртерге безин ароматтыг болур ышкажык* ‘Даже когда проходишь мимо таких неопрятных людей, чувствуется аромат же’ [ВК]; *Ии, бо кижси билбейн аромат үндүрүптерге шуут ыяткаш, арны-бажы кызааш, мени кончуп кааптар* ‘Эх, когда я нечаянно выпускаю аромат, у него краснеет лицо и отругает меня’ [ВК]; *Бажыңының ишти шуут антисанитария!* ‘В доме полная антисанитария!’; *Оода өске улус кээр деп турда, антисанитария турбас кылдыр кызыдыңар аа!* ‘Хотя бы перед приходом других людей постарайтесь, чтобы не было антисанитарии!’ [ВК].

Заключение

Таким образом, в современной тувинской речи мы наблюдаем наличие заимствований-эвфемизмов из русского языка, которые функционируют как иносказания для лексем со значениями, вызывающими страх, чувство неудобства, стыда тувинском языке. Причем в некоторых случаях имеет место вторичная (или повторная) эвфемизация: когда существующий эвфемизм в тувинском языке, утратив свои функции, заменяется новой заимствованной лексемой-эвфемизмом. Отмечаются процессы сужения или специализации исконного значения лексемы в языке-доноре или расширение ее значения. Данная работа является первой попыткой анализа процессов эвфемизации путем заимствования из русского языка и требует дальнейшего изучения этого вопроса.

Список литературы

- Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология. 1965 (Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам). М.: Наука, 1967. С. 267–284.
- Доржу К. Б. Эвфемизмы в поэзии Антона Уержаа // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2017. С. 149–155.
- Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. 402 с.
- Куулар Е. М. Эвфемизмы в охотничье-рыболовной лексике тувинского языка // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 26. С. 49–51.
- Мадайени Авал А. Х., Сейед-Агаи Резаи М. Х. Заимствование как распространенный способ эвфемизации в русском и персидском языках // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 106–116.
- Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 509 с.
- Монгуш Д. А., Татаринцев Б. И. Проблемы изучения функционирования русского языка в Туве // Русский язык в Туве. Кызыл, 1985. С. 3–15.
- Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58–70.
- Никитина И. Н. Эвфемистическая функция заимствований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 124–126.
- Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского литературного языка. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1973. 191 с.
- Сат Ш. Ч. Табу и эвфемизмы в тувинском языке // Эртем ажилдарының чыындызы. Кызыл: ТывГУ, 2006. С. 65–70.
- Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учебное пособие. М.: Флинта, 2012. 121 с.

Сувандии Н. Д. Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–2 (59). С. 138–141.

Сюй М. Влияние заимствованных эвфемизмов на эвфемизмы русского языка // Приоритетные научные направления: от теории к практике: Сборник материалов XLI Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 08–31 августа 2017 года / Под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2017. С. 87–92.

Татаринцев Б. И. Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1974. С. 113.

Тишина Н. В. Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 292 с.

Филиппова И. Н. Эвфемизмы-заимствования в русском и немецком языках // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 3 (38). С. 194–206.

Монгуш Ш. В. Ужар кизи. Кызыл: Тыва полиграф, 2007. 167 с. (на тув. яз.)

Интернет-источники

ВК – https://vk.com/tuva_komu_za_30

Информанты

И 1 – Ооржак Алаш-оол Делег-оолович, 1989 г.р.

И 2 – Монгуш Альбина Анатольевна, 1986 г.р.

И 3 – Хертек Артыш Анатольевич, 1993 г.р.

И 4 – Хертек Саита Эвилеловна, 1985 г.р.

References

Dorzhu K. B. Evfemizmy v poezii Antona Uerzhaa [Euphemisms in the poetry of Anton Uerzhaa]. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social sciences and humanities*. 2017, 149 p. (In Russ.)

Filippova I. N. Evfemizmy-zaimstvovaniya v russkom i nemetskom yazykakh [Euphemisms-borrowings in Russian and German]. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2020, no. 3 (38), pp. 194–206. (In Russ.)

Krysin L. P. Inoyazychnoe slovo v kontekste sovremennoy obshchestvennoy zhizni [A foreign language word in the context of modern social life]. In: *Russkiy yazyk kontsa 20 stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the end of the 20th century (1985–1995)]. E. A. Zemskaya (Ed.). Moscow, 1996, 402 p. (In Russ.)

Kuular E. M. Evfemizmy v okhotnich'e-rybolovnoy leksike tuvinskogo yazyka [Euphemisms in the hunting and fishing vocabulary of the Tuvan language]. *Vestnik KhGU im. N.F. Katanova*. 2018, no. 26, pp. 49–51. (In Russ.)

Madayeni Aval A. Kh., Seyed-Agai Rezai M. Kh. Zaimstvovanie kak rasprostranennyi sposob evfemizatsii v russkom i persidskom yazykakh [Borrowing as a common way of euphemization in Russian and Persian]. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2017, no. 3, pp. 106–116. (In Russ.)

Marinova E. V. Inoyazychnye slova v russkoy rechi kontsa 20 – nachala 21 vv.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya [Foreign words in Russian speech of the late 20th – early 21st centuries: problems of development and functioning]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2008. (In Russ.)

Mongush D. A., Tatarintsev B. I. Problemy izucheniya funktsionirovaniya russkogo yazyka v Tuve [Problems of studying the functioning of the Russian language in Tuva]. In: *Russkiy yazyk v Tuve* [Russian language in Tuva]. Kyzyl, 1985, pp. 3–15. (In Russ.)

Mongush Sh.V. *Uzhar kizhi* [Flying Man]. Kyzyl, Tyva poligraf, 2007, 168 p. (In Tuv.)

Moskvin V. P. Evfemizmy: sistemnye svyazi, funktsii i sposoby obrazovaniya [Euphemisms: system connections, functions and methods of education]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2001, no. 3, pp. 58–70. (In Russ.)

Nikitina I. N. Evfemisticheskaya funktsiya zaimstvovaniy [The euphemistic function of borrowings]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2013, no. 1 (19), pp. 124–126. (In Russ.)

Sat Sh. Ch. *Formirovanie i razvitie tuvinskogo literaturnogo yazyka* [Formation and development of the Tuvan literary language]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1973. (In Russ.)

Sat Sh. Ch. Tabu i evfemizmy v tuvinskom yazyke [Taboos and euphemisms in the Tuvan language]. In: *Ertem azhyldarynyn chyindyzy* [Collection of scientific papers]. Kyzyl, TyvSU, 2006, pp. 65–70. (In Russ.)

Senichkina E. P. *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. Moscow, Nauka, 2008, 464 p. (In Russ.)

Senichkina E. P. *Evfemizmy russkogo yazyka: spetskurs* [Euphemisms of the Russian language: a special course]. Moscow, Flinta, 2012, 120 p. (In Russ.)

Suvandii N. D. Tabu i evfemizmy v okhotnich'ey leksike tuvinskogo yazyka [Taboos and euphemisms in the hunting vocabulary of the Tuvan language]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 5–2 (59), pp. 138–141. (In Russ.)

Syuy M. Vliyanie zaimstvovannykh evfemizmov na evfemizmy russkogo yazyka [The influence of borrowed euphemisms on the euphemisms of the Russian language]. In: *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike: Sbornik materialov 41 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Novosibirsk, 08–31 avgusta 2017 goda* [Priority scientific directions: from theory to practice: Collection of materials of the 41st International Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, 08–31 August 2017]. S. S. Chernova (Ed.). Novosibirsk, OOO “Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva,” 2017, pp. 87–92. (In Russ.)

Tatarintsev B. I. *Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v sovremenном tuvinskom yazyke* [Russian lexical borrowings in the modern Tuvan language]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1974, 14 p. (In Russ.)

Tishina N. V. *Natsional'no-kul'turnye osobennosti evfemii v sovremenном angliyskom i russkom yazyke* [National and cultural features of euphemism in modern English and Russian]. Abstract of cand. philol. sci. diss. Moscow, 2006. (In Russ.)

Vidlak S. Problema evfemizma na fone teorii yazykovogo polya [The problem of euphemism against the background of the theory of the language field]. In: *Etimologiya. 1965: materialy i issledovaniya po indoevropeskim i drugim yazykam*. [Etymology. 1965: Materials and research on Indo-European and other languages]. Moscow, Nauka, 1967, 275 p. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
21.11.2023*

Сведения об авторе

Монгуш Начын Михайлович – главный специалист сектора словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)

E-mail: mongusnachyn@mail.ru

ORCID 0000-0001-8784-3323

Information about the author

Nachyn M. Mongush – Chief Specialist of the Sector of Dictionaries, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russian Federation)

E-mail: mongusnachyn@mail.ru

ORCID 0000-0001-8784-3323